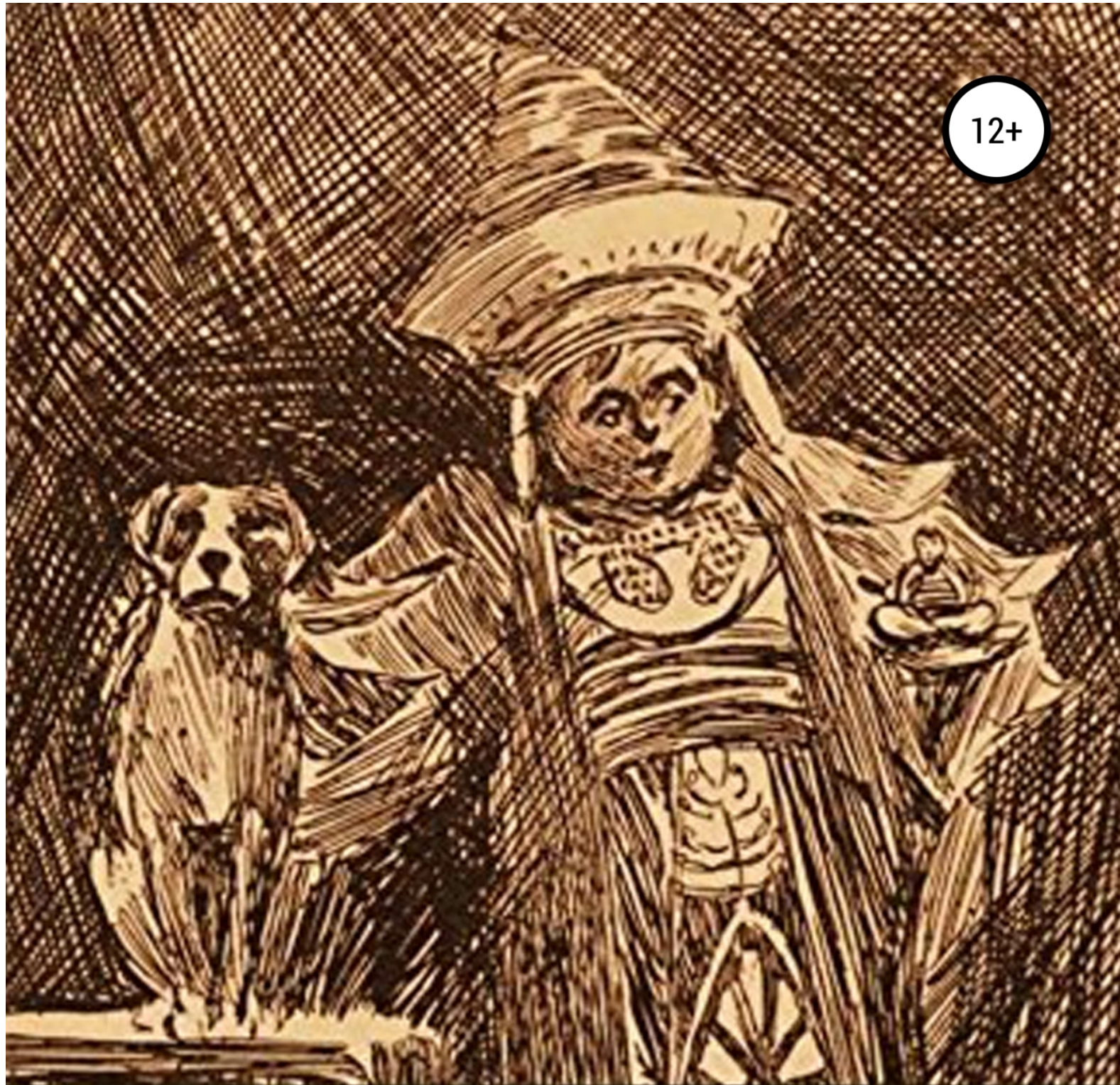

12+

Инджерсолл Локвуд

**Маленький барон Трамп
и его невероятное путешествие
в глубинное государство**

Инджерсолл Локвуд

**Маленький барон Трамп и
его невероятное путешествие
в глубинное государство**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Локвуд И.

Маленький барон Трамп и его невероятное путешествие в
глубинное государство / И. Локвуд — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-94904-1

Впервые на русском языке издаётся невероятный фантастический роман американского писателя, который лишь сейчас, спустя 100 лет после смерти автора стал бить все рекорды популярности. Теперь и отечественный читатель сможет ознакомиться с невероятными прозрениями и пророчествами американского провидца, заглянувшего в третье тысячелетие...

ISBN 978-5-532-94904-1

© Локвуд И., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От переводчика. Невероятные романы обычного адвоката	5
Предисловие. История Вильгельма Генриха Себастьяна фон Трампа, более известного как «маленький барон»	8
Глава I	11
Глава II	15
Глава III	18
Глава IV	21
Глава V	24
Глава VI	28
Глава VII	31
Глава VIII	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Инджерсолл Локвуд

Маленький барон Трамп и его невероятное путешествие в глубинное государство

От переводчика. Невероятные романы обычного адвоката

В этой невероятной истории всё обстояло совершенно просто и обычно. Чудеса начались уже потом. Вначале в заурядной американской семье родились и выросли три брата-адвоката, два умных... да и третий не дурак, хотя и звёзд с неба не хватал. Инджерсолл Локвуд (1841–1918) родился в штате Нью-Йорк. Немного поучаствовал в Гражданской войне Севера с Югом, слегка продвинулся по дипломатической части, попробовал себя на литературной ниве, издал пару детских фантастических романов, один взрослый, женился-развёлся, да и почил в Бозе в 1918 г. в возрасте 77 лет, ничем иным себя не зарекомендовав. И романы его на современников никакого особенного впечатления не произвели. Они были встречены безразлично и не вошли в каноны детской литературы. Рецензент 1891 года писал об одном из романов Локвуда: «Автор хорошо потрудился над сочинительством трёхсот страниц фантастического и гротескного чтива, время от времени выбивая искру остроумия; но эти искры дают мало света и совсем не излучают тепла, в поисках которого приходится обшаривать весь роман».

Вот, собственно, и всё. На этом история заурядного адвоката заканчивается и спустя ровно 100 лет после его смерти начинается самая настоящая фантастика...

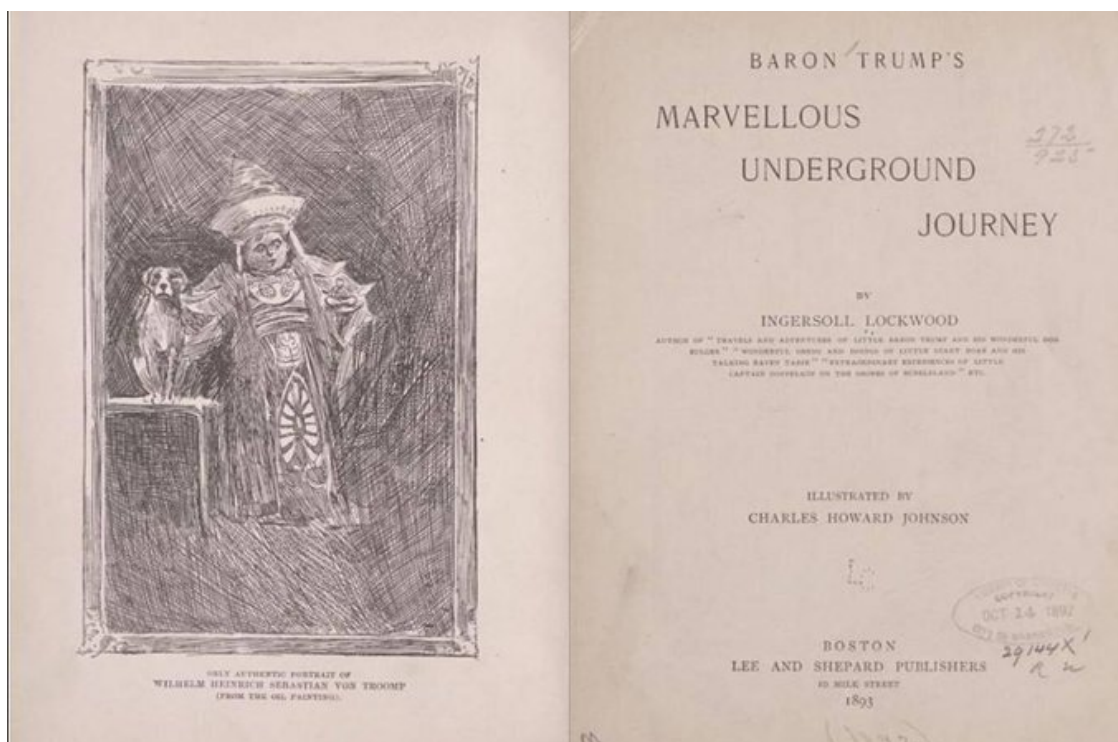
Сможет ли кто-нибудь объяснить читателю, почему в герои своих фантастических романов писатель избрал некоего барона фон Трампа? Неужели на свете иных имён не нашлось?

Почему его героем стал именно малыш-коротышка (как потом частенько рисовали рослого американского президента Трампа). Почему реальному г-ну 45-му президенту взбрело в голову назвать своего сына Бэрном?

Спустя 100 лет после смерти автора литературоведы, критики, журналисты, политики, да и просто зеваки нажились на книгах Локвуда в поисках прозрений и пророчеств и остались под двойственным впечатлением. С одной стороны действительно, некоторые моменты биографии Трампа буквально списаны с натуры. С другой – а много ли вообще мы знаем об этом нашем мире и о природе пространства-времени?

Свой первый роман «Путешествия и приключения маленького барона Трампа и его замечательного пса Балджера» Локвуд опубликовал в 1889 году, а его продолжение «Удивительное подземное путешествие барона Трампа» вышло в 1893 году. В этих романах рассказывается о приключениях немецкого мальчика (или же большеголового коротышки) Вильгельма Генриха Себастьяна фон Трумпа

(или Трампа), который повсюду выступает под именем «барон Трамп», обнаруживает странные подземные цивилизации, то и дело оскорбляет туземное население, частенько вмешивается в международные конфликты, избегает связей с местными женщинами и повторяет эту схему, пока не возвращается домой в родной замок Трамп (ну как тут не вспомнить про Нью-Йоркский небоскрёб *Trump-Tower*?).

Бегло ознакомившись с творчеством Локвуда Хайме Фуллер написал в журнале «Политико», что локвудовский барон Трамп «не по годам развит, беспокоен и склонен попадать в неприятности», часто упоминает о своем массивном мозгу и оскорбляет большинство туземцев, которых он встречает. Фуллер также отмечает, что барон Трамп обитает в здании, названном в его честь «Замок Трампа»; в то время как реальный Дональд Трамп десятилетиями жил в Башне Трампа. Кроме того, младшего сына Дональда Трампа зовут Бэррон Трамп. Журналист Крис Риотта в *Newsweek* отметил, что подземные приключения барона Трампа начинаются в России (добавим, что первый роман про барона происходит в Юго-Восточной Азии и в частности в Китае). Риотта также упомянул другую книгу И. Локвуда «1900 год или Последний

президент», в котором Нью-Йорк после шоковой победы кандидата-популиста на президентских выборах 1896 года раздирают протесты, что приводит к восстанию против богачей и к дальнейшему падению американской республики.

«Весь Ист-Сайд находится в состоянии хаоса», – кричали полицейские по улицам, предупреждая горожан о необходимости оставаться дома на всю ночь. «Огромные толпы объединяются под руководством анархистов и социалистов и угрожают разгромить и разграбить дома богатых, которые обижали и угнетали их в течение стольких лет».

«Отель *Fifth Avenue Hotel* будет первым, кто ощутит ярость мафии», – продолжает роман со ссылкой на адрес в Нью-Йорке, где сейчас стоит Башня Трампа. – «Успеют ли войска его спасти?»

Для таких аналогий существует русское выражение «Как в воду глядел».

Это не первое путешествие во времени, с которым сомнительно связано президентство. В прошлом году человек, который называл себя путешественником во времени, адвокат из Сиэтла Эндрю Басиаго, сделал невероятное и малоизвестное предложение Белому дому. (Он заявил, что якобы выиграет либо президентский, либо вице-президентский пост до 2024 года.) Философ Джон Хосперс, который выиграл один голос на выборах в 1972 году, однажды задал вопрос: «Возможно ли логически вернуться в прошлое, скажем, в 3000 г. до н. э., и помочь египтянам построить пирамиды? Мы должны быть очень осторожны с этим». В 2003 году один из публицистов в Эшвилле задался вопросом, был ли Джордж Буш первым президентом, путешествующим во времени, а в 1989 году журнал *Spy* даже в шутку отметил, что было что-то подозрительное в том, как Дональд Трамп, «человек с явно ограниченными способностями, стал баснословно богатым, купив недвижимость в нужных местах в нужное время». Кто-то нашел время, чтобы самостоятельно опубликовать на *Amazon* книгу об альтернативной реальности, в которой Альберт Гор стал президентом, будучи путешественником во времени. Заикленность на хитросплетениях истории не ограничивается высшими руководителями. Для июльского (1941 года) номера журнала *Weird Tales* бывший сенатор шт. Массачусетс Роджер Шерман Хоар написал рассказ под названием «Я убил Гитлера», в котором рассказчик с помощью таинственного *свами* возвращается в 1899 год и душил молодого Адольфа только для того, чтобы по возвращении в настоящее время обнаружить, что тот за эти годы превратился в диктатора...

Л. Моргун, Октябрь, 2020

Предисловие. История Вильгельма Генриха Себастьяна фон Трампа, более известного как «маленький барон»

Поскольку «неверующие Фомы», похоже, получают особое удовольствие от того, что сомневаются во всех похожих случаях, то в данной конкретной ситуации неплохо было бы остановить их, доказав, что барон Трамп был самым настоящим бароном, а не просто вымыслом. Он происходил из семьи французских гугенотов – де-Ла-Тромп – которые после отмены Нантского эдикта в 1685 году укрылись в Голландии, где приняли имя Ван дер Трумп, как и многие другие французские протестанты, переведя свои имена на голландский язык. Несколько лет спустя, по приглашению курфюрста Бранденбургского, Никлас Ван дер Трумп стал подданным этого принца и приобрел большое поместье в провинции Померания, снова сменив фамилию, на этот раз на фон Трамп.

Наш герой, «Маленький Барон», названный так из-за своего невысокого роста, родился где-то во второй половине XVII века. Он был последним представителем своего рода по прямой линии, хотя его двоюродные братья и сейчас являются хорошо известными померанскими дворянами. Он начал свои странствия в самом раннем возрасте и наполнил свой замок такими странными предметами, подобранными им там и сям в самых отдаленных уголках мира, что простодушные крестьяне считали его наполовину волшебником. Отсюда проистекало множество мифов и причудливых историй об этом неутомимом путешественнике. Дата его смерти не может быть установлена с какой-либо точностью, но можно сказать следующее: среди портретов знатных померанцев, висящих в ратуше в Штеттине, есть один, изображающий человека

невысокого роста и с головой, слишком большой для его тела. Он одет в какой-то диковинный костюм и держит в левой руке причудливый предмет из слоновой кости, очень искусно вырезанный. Его лицо полно ума, а большие серые глаза светятся добродушным, но насмешливым взглядом, который неизменно привлекает к себе внимание. Правая рука мужчины покоится на спине собаки, сидящей на столе и глядящей прямо перед собой с таким достоинством, которое показывает, что она знала, что пишут ее портрет.

Если посетитель спрашивает гида, кто этот человек, он всегда получает ответ: «О, это наш маленький барон!»

Но вот вопрос – кто этот маленький барон? и ещё – почему это не может быть тот самый знаменитый Вильгельм Генрих Себастьян фон Трамп, которого обычно называют «Маленький барон Трамп», и его замечательный пес Балджер?

Глава I

Балджера очень раздражает фамильярность деревенских собак и самонадеянность домашних кошек. – От этого страдает его здоровье, и он умоляет меня снова отправиться в путешествие. Я охотно соглашаюсь, ибо читал о мире внутри мира в старинной рукописи, написанной ученым Доном Фумом. – Прощальные беседы со отцом-бароном и милостивой баронессой-матерью. – Подготовка к отъезду

В тот вечер мой Балджер не был похож на себя, дорогие друзья. В его глазах застыло какое-то тусклое выражение, и когда я заговорил с ним, его хвост ответил мне лишь слабым вилянием. Я говорю, что виляние его показалось мне слабым, потому что мне всегда казалось, что хвост Балджера был напрямую связан с его сердцем. Аппетит у него тоже пропал вместе с бодростью, и он редко делал что-либо большее, чем принохивался к изысканной пище, которую я ставил перед ним, хотя я пытался соблазнить его жареной куриной печенью и поджаренными петушиными гребешками – двумя его любимыми блюдами.

Очевидно, у него было что-то на уме, и всё же мне никогда не приходило в голову, что бы это могло быть. Потому что, честно говоря, это было нечто такое, чего я никак не мог себе вообразить..

Возможно, я бы и раньше догадался, в чём тут дело, если бы как раз в это время не был очень занят. Слишком занят для того, чтобы обращать внимание на кого-либо, даже на моего дорогого четвероногого друга. Как вы, возможно, помните, дорогие друзья, мой мозг весьма активен, и как только я заинтересуюсь каким-либо вопросом, сам замок Трампа может вспыхнуть и сгореть и ножки моего стула начнут обугливаться, прежде чем я услышу шум и хаос или даже почувствую запах дыма.

Как-то раз в период уныния Балджера случилось так, что старший барон по доброте своего старого школьного друга завладел рукописью XV века, вышедшей из-под пера знаменитого мыслителя и философа, ученого испанца дона Константино Бартоломео Стрефолофидегуанериусфума¹, широко известного среди ученых как Дон Фум, озаглавленной «Мир внутри мира». В этой работе Дон Фум выдвинул замечательную теорию, что есть все основания полагать, что внутренняя часть нашего мира обитаема; что, как хорошо известно, наша с вами Земля, огромный земной шар не является телом твердым, напротив, во многих местах он является совершенно пустым; что много веков назад на его поверхности произошли ужасные катаклизмы, которые заставили жителей искать убежища в обширных подземных камерах, столь обширных, что они даже заслужили название «Мир внутри мира».

Эта книга, с ее мятыми, рванными и потемневшими от времени листами, источающими запахи сводчатого склепа и изъеденного червями сундука, произвела на меня особое впечатление. Весь день напролет, а часто и далеко за полночь, я сидел над ее затхлыми и заплесневелыми страницами, совершенно забыв о нашем поверхностном мире. В моих мыслях звучали подземные глубины, а в посещающих меня фантазиях я созерцал и слушал их обитателей.

Пока я был занят этим, Балджер сидел в своей любимой позе на причудливо расшитой кожаной подушке, которую я привез с Востока во время одного из моих путешествий и положил на край моего рабочего стола, ближе всего к окну. С этого места Балджеру открывался полный вид на парк, террасу и подъездную аллею, ведущую к порт-кошеру². Ничто не ускользало от его внимательного взгляда. Здесь он просиживал час за часом, развлекаясь тем, что наблюдал за приходами и уходами самых разных людей, от разносчиков безделушек до самых знатных людей в графстве. Однажды мое внимание привлекло, что он внезапно спрыгнул со

¹ В оригинале «Don Constantino Bartolomeo Stropholofideguaneriusfum».

² порт-кошер (*porte-cochère*) – в старинных усадьбах крытые въездные ворота для кареты или коляски.

своей подушки и издал низкий недовольный рык. Я почти не обратил на это внимания, но, к моему удивлению, на следующий день примерно в тот же час это произошло снова.

Мной овладело любопытство, и, отложив старинную рукопись Дона, я поспешил к окну, чтобы узнать причину раздражения Балджера.

И вот, тайна была раскрыта! Там стояло с полдюжины дворняг, принадлежавших арендаторам баронских земель, и они смотрели в окно, пытаясь своим лаем и криками выманить Балджера на прогулку. Дорогие друзья, должен ли я вас уверять, что подобная фамильярность была крайне неприятна Балджеру? Такой наглости он не мог вынести. Позвонив в колокольчик, я приказал своему слуге выпроводить их. После чего Балджер согласился снова занять свое место у окна.

На следующее утро, как раз когда я устроился поудобнее, чтобы почитать, я почти испугался, когда в комнату ворвался Балджер с горящими глазами и оскаленными от гнева клыками. Ухватившись за край моего халата, он резко дернул его, что означало: «Отложи свою книгу, маленький господин, и следуй за мной».

Я так и сделал. Он повел меня вниз по лестнице через холл в столовую, и тут мне стало совершенно ясно, в чем новая причина его недовольства. Там, столпившись вокруг его серебряной тарелки для завтрака, сидели старая полосатая кошка и четыре котенка, которые преспокойно ели его завтрак. Взглянув мне в лицо, он издал резкий жалобный вой, как бы говоря: «Вот, мой маленький господин, посмотри на это. Разве этого не достаточно, чтобы вывести меня из себя? Неужели ты удивляешься, что я не радуюсь всем этим неприятным вещам, происходящим со мной? Говорю тебе, мой маленький барон, это уж слишком, слишком для того, чтобы с этим мириться».

И я тоже так подумал и сделал всё, что было в моих силах, чтобы утешить моего несчастного маленького друга. И поймите мое удивление от того, что когда я, вернувшись в свою комнату, приказал ему занять свое место на подушке, он отказался мне повиноваться.

Это было нечто экстраординарное, и оно заставило меня задуматься. Балджер заметил это и радостно залаял, а затем бросился в мою спальню. Он исчез на несколько минут, а потом вернулся, неся в зубах пару восточных туфель, которые положил к моим ногам. Снова и снова он исчезал, возвращаясь каждый раз с каким-нибудь предметом одежды во рту. Через несколько мгновений он уже разложил на полу перед моими глазами полный восточный костюм; и поверьте мне, дорогие друзья, это был тот самый костюм, который я носил в своих последних путешествиях по далеким землям, когда мы с ним потерпели крушение на острове Гогула, в Стране круглых тел³. Что всё это могло значить?

«Маленький господин, неужели ты не понимаешь своего дорогого Балджера? Он устал от этого скучного и бездуховного существования. Он устал от этой все возрастающей фамильярности со стороны дворняжек из соседнего района и от наглости этих кухонных котов и их семей. Он умоляет тебя оторваться от этой жизни, полной грёз и бездействия, и позаботиться о том, чтобы честь Трампов снова была восстановлена».

Наклонившись и обхватив руками моего дорогого Балджера, я закричал:

– Да, теперь я понимаю тебя, мой верный спутник, и обещаю тебе, что прежде, чем эта луна вновь заострит свои рога, мы с тобой повернемся спиной к замку Трамп и отправимся на поиски врат в мир внутренних миров Дона Фума.

Услышав эти слова, Балджер разразился самым диким, самым безумным лаем, прыгая туда-сюда, как будто сам дух озорства внезапно поселился в его сердце. В самый разгар этих безумных игр негромкий стук в дверь моей комнаты заставил меня прикрикнуть:

– Тише, тише, дорогой Балджер, кто-то стучит.

³ Ситуация описана в первом романе И. Локвуда «Путешествия и приключения маленького барона Трампа и его чудесного пса Балджера».

Это был старый барон, мой почтенный батюшка. С мрачным видом и величавой поступью он приблизился и сел рядом со мной под балдахин.

– Добро пожаловать, почтенный отец! – воскликнул я, беря его руку и поднося ее к своим губам. – Я как раз собирался разыскать тебя.

Он улыбнулся, а затем сказал:

– Ну, маленький барон, что ты думаешь о мире внутри мира Дона Фума?

– Я думаю, милорд, – был мой ответ, – что Дон Фум прав: такой мир должен существовать, и с вашего согласия я намерен отправиться на поиски его врат со всей возможной поспешностью, как только моя дорогая матушка, милостивая баронесса, сможет заставить свое сердце расстаться со мной.

Старший барон на мгновение задумался, а затем добавил:

– Маленький барон, как бы нам с твоей матерью ни было страшно думать о том, что ты снова лишишься надежной защиты этой почтенной крыши, черепица которой покрыта мхом и укрывала столько поколений Трампов, всё же мы не должны быть эгоистами в этом вопросе. Боже упаси, чтобы такая мысль заставила нас тебя остановить! Честь нашей семьи, твоя слава исследователя чужих земель в самых отдаленных уголках земного шара, призывают нас быть сильными сердцем. Поэтому, мой дорогой мальчик, приготовься и снова отправляйся на поиски новых чудес. Карта ученого Дона Фума будет рядом с тобой, как надежный и верный советчик. Помни, маленький барон, наш девиз, *Per Ardua ad Astra* – путь к славе усеян ловушками и опасностями. Но одна мысль будет мне утешением, что если твой острый ум потерпит неудачу, безошибочный инстинкт Балджера будет вести тебя.

Когда я наклонился, чтобы поцеловать руку старого барона, в комнату вошла милостивая баронесса.

Балджер поспешно поднялся на задние лапы и лизнул ее руку в знак почтительного приветствия. Слезы накатывали на ее глаза, но она сдерживала их и, с любовью обняв меня, много-много раз поцеловала меня в щеки и в лоб.

– Я знаю, что всё это значит, мой дорогой сын, – пробормотала она с самой печальной улыбкой, – но никогда не будет сказано, что баронесса Гертруда фон Трамп стояла на пути своего сына, добавляющего новую славу к семейному имени. Ступай, ступай, маленький барон, и небеса в свое время благополучно вернут тебя в наши объятия и в наши сердца.

При этих словах Балджер, который слушал наш разговор с наостренными ушами и блестящими глазами, издал протяжный радостный вопль и, прыгнув ко мне на колени, покрыл мое лицо поцелуями. Сделав это, он излил своё счастье в череду оглушительного лая и серии самых безумных игр. Это был один из самых счастливых дней в его жизни, так как он чувствовал, что оказал значительное влияние на то, чтобы сломить мое сопротивление снова отправиться в путешествие.

И вот топот спешащих ног и громкий ропот тревожных голосов разнесся по коридорам замка, а внутри и снаружи все время слышались возгласы, то шепчущие, то откровенные:

– Маленький барон готовится снова покинуть дом.

Балджер сновал туда-сюда, осматривая всё вокруг, отмечая все приготовления, и я слышал его радостный лай, когда доставал какой-нибудь знакомый предмет, которым я пользовался в своих прежних путешествиях.

Двадцать раз на дню моя нежная мать приходила ко мне в комнату, чтобы дать какой-нибудь хороший совет, повторить какое-нибудь ценное предостережение. Мне казалось, что я никогда не видел ее такой кроткой, такой величественной, такой милой.

Она очень гордилась моим великим именем, как, впрочем, и все мужчины, женщины и дети в замке. Если бы я не ушел, я был бы буквально задушен добротой, а Балджер – убит сладким пирогом.

Прощание с замком фон Трампов

Глава II

Таинственные указания Дона Фума. – Мы с Балджером отправляемся вначале в Петербург, а оттуда в Архангельск. – Рассказ о нашем путешествии до самого Ильича на Ильиче. – Извозчик Иван. – Как мы пробирались на север в поисках порталов в мир внутри мира. – Угрозы Ивана. – Недоверие Балджера к этому человеку и многое другое

Согласно рукописи ученого Дона Фума, врата в мир внутри мира находились где-то на севере России, возможно, как он полагал, где-то на западном склоне верхнего Урала. Но великий мыслитель не мог точно определить их местонахождение. «Люди подскажут тебе, – вот загадочная фраза, которая снова и снова повторялась на заплесневелых страницах этой чудесной рукописи. – Люди тебе всё расскажут». Ах, но какие люди будут достаточно образованны, чтобы сказать мне это? Это был мучительный вопрос, который я задавал себе во сне и наяву, на восходе солнца, в полдень и на закате, при первом крике петуха и в безмолвные ночные часы.

– «Люди подскажут тебе», – сказал учёный Дон Фум.

– Ах, но какие люди скажут мне, где найти порталы в мир внутри мира?

До сих пор в своих путешествиях я выбирал полуосточное одеяние, как из-за его живописности, так и из-за его лёгкости и теплоты, но теперь, когда мне предстояло проехать несколько месяцев по всей России, я решил надеть русский национальный костюм, ибо я свободно говорил по-русски, как говорил и ещё на десятке или более языков живых и мертвых. Таким образом, я мог появляться и исчезать, не привлекая к себе внимания и избегая нарушения хода моих мыслей любопытными попутчиками, что было очень важно для меня, так как мой ум обладал необычайной способностью автоматически выполнять любую поставленную перед ним задачу, если только он не был внезапно сбит с пути каким-нибудь нелепым вмешательством. Например, однажды, когда я как раз собирался открыть вечный двигатель, милостивая баронесса вдруг открыла дверь и спросила, не обрезал ли я в последнее время ногти на больших пальцах ног, потому что заметила, что на нескольких парах моих лучших чулок появились дырки.

Была где-то середина февраля, когда я выехал из замка Трамп, и я ехал днем и ночью, чтобы к первому марта добраться до Петербурга, так как знал, что правительственные поезда⁴ будут отправляться из этого города к Белому морю в течение первой недели этого месяца. Мы с Балджером были в прекрасном расположении духа и здоровья, и усталость от путешествия нисколько не сказалась на нас. Прибыв в российскую столицу, я обратился к императору с просьбой разрешить мне сесть в один из правительственных поездов, что было мне весьма любезно дозволено. Наш путь почти на самый север продолжался в течение нескольких дней; в конце концов мы достигли берегов Ладожского озера. Его мы пересекли по льду на санях и снова двинулись по суше, пока не достигли Онежского залива, пересекли его также по льду и таким образом добрались до одноименной станции, где остановились на день, чтобы дать нашим лошадям заслуженный отдых. Отсюда мы по прямой отправились через снежные поля к Архангельску, важному торговому порту на Белом море.

Так как это был конечный пункт назначения правительственного поезда, я после нескольких приятных дней пребывания в правительственной резиденции расстался с его комендантом и отправился в путь, сопровождаемый только моим верным Балджером и двумя слугами, которые были приставлены ко мне имперским комиссаром.

⁴ Имеются ввиду обозы.

* * *

Теперь мой путь лежал вверх по Двине до самого Сольвычегодска; оттуда я продолжал свой путь по замерзшим водам реки Вычегда, пока мы не добрались до правительственного поста Яренска, а оттуда мы направились прямо на восток, пока наши выносливые маленькие лошадки не доставили нас в живописную деревню Ильич на Ильиче⁵. Здесь мы были вынуждены оставить наши сани, так как снег исчез, как по волшебству, открывая широкие просторы зеленых полей, которые майское солнце через несколько дней усеяло цветами и душистыми кустарниками. В Ильиче мне пришлось оставить двух верных правительственных слуг, сопровождавших меня из Архангельска, так как они уже достигли самой западной точки, которую им было поручено посетить. Я очень привязался к ним, как и Балджер, и после их отъезда мы оба чувствовали себя так, словно впервые оказались среди чужих людей в чужой стране. Но мне удалось нанять, как мне показалось, надежного извозчика по имени Иван, который заключил со мной контракт за хорошее жалованье, чтобы отвезти меня на сто миль дальше на север.

– Но ни шагу дальше, маленький барон! – упрямо повторил парень.

Теперь я действительно был у подножия холмов Северного Урала, потому что скалистые гребни и покрытые снегом вершины были видны как на ладони.

Я часто задумчиво смотрел вверх, на дикие вершины, заключенные в отвесные скалы и парапеты, ошестинившиеся черными соснами, и низкий, таинственный голос шептал мне на ухо, что где-то, ах, где-то в этой ужасной глуши я однажды найду ворота в мир внутри мира! Несмотря на все мои старания, Балджер очень невзлюбил Ивана, а Иван – его; и если бы сделка не состоялась и деньги уже не были выплачены, я бы стал искать другого извозчика. И все же это было бы очень глупо, потому что у Ивана, как я сразу увидел, были две отличные лошади и, кроме того, он очень заботился о них, на каждом посту растирая их, пока они совсем не высохнут, и никогда не думал о собственном ужине, пока их не напоили и не накормили.

Его тарантас тоже был совсем новый, добротнo сколоченный и хорошо отделанный мягкими одеялами, в общем, настолько удобный, насколько это вообще возможно для повозки, у которой нет других рессор, кроме двух длинных деревянных перекладин, тянущихся от оси к оси. Правда, они были несколько эластичны. Но я заметил, что Балджер не слишком любил ездить в этом странном экипаже, с грохотом передвигающемся вверх и вниз по горным дорогам, и часто просил разрешения выскочить и следовать за ним бегом.

Наконец Иван доложил, что всё готово к отъезду; и хотя мне хотелось бы выехать как можно незаметнее, но всё село вышло провожать нас – семья Ивана, отец, мать, сестры и братья, жена и дети, дяди, тети и двоюродные братья. Это были десятки людей, которых хватило бы на целый городок. Они радостно кричали и махали платками, Балджер лаял, а я улыбался и приподнимал фуражку со всем достоинством Трампов. И вот мы наконец отправились в дорогу: Иван на козлах, а мы с Балджером сидели сзади, тесно прижавшись друг к другу, как два брата – две груди с едиными ударами сердца и два мозга, занятых одной и той же мыслью, что впереди грядут опасности или внезапные нападения, но грядёт ли скрытая угроза или смелый и открытый натиск, мы должны стоять вместе и падать вместе! Много-много раз, когда лошади Ивана ползли вверх по длинной горной дороге, а я лежал, растянувшись на широком мягком сиденье тарантаса, с одеялом, свернутым вместо подушки, я ловил себя на том, что бессознательно повторяю эти таинственные слова Дона Фума:

⁵ Так у автора: «Plitch on the Plitch». Точнее определить географию этого места нам не удалось: и Википедия, и словарь Брокгауза и Ефрона давали совершенно разные ориентиры, преимущественно в южных областях России. Лишь поселок Ильича в Кунгурском районе на реке Юрман более или менее подходил под описание, однако создан он был спустя полтора столетия после описываемых в романе событий.

– Люди подскажут тебе! Люди подскажут...

Дороги были так круты, что за день мы проезжали не больше пяти миль, а иногда приходилось останавливаться на несколько часов, чтобы Иван мог подтянуть подковы своих лошадей, смазать оси или сделать что-нибудь нужное в своей повозке. Это была медленная работа. Да, она была очень медленной и утомительной, но какое значение имеет, насколько или как велики трудности для человека, решившего выполнить определенную задачу? Останавливаются ли аисты или дикие гуси, чтобы сосчитать тысячи миль между ними и их домами, когда им приходит время повернуть на юг? Разве муравьи останавливаются, чтобы сосчитать сотни тысяч песчинок, которые они должны пронести через свои длинные коридоры и извилистые проходы, прежде чем они зароятся достаточно глубоко, чтобы спастись от зимнего мороза?

Было много Трампов, но ни один из них не вскинул руки и не воскликнул: «Я сдаюсь!» И чтобы я был первым, кто это сделает? – Никогда! Даже если бы это угрожало навеки расстаться с милым старинным замком Трампов!

Однажды утром, когда мы зигзагами поднимались по особенно скверному участку горной дороги, Иван вдруг резко развернулся и, даже не сняв шляпы, закричал:

– Маленький барон, послушай, сегодня я пройду последнюю милю из ста. Если ты хочешь ехать дальше на север, то тебе придётся нанять другого извозчика?

– Молчать! – сказал я сурово, потому что этот человек прервал очень важный ход моих мыслей.

Балджер тоже возмущённый наглостью этого человека, зарычал и оскалился.

– Но, господин барон, прислушайтесь к голосу разума, – продолжал он уже более почтительным тоном, снимая шапку, – моя семья будет ждать моего возвращения. Я обещал своему отцу, что буду ему послушным сыном.

– Нет, нет, Иван, – резко перебил я его, – обуздай свой язык, чтобы он не повредил твоей душе. Знай же, что я говорил с твоим отцом, и он обещал мне, что ты пройдёшь со мной еще сотню миль, если понадобится, но при условии, что я заплачу тебе двойную плату. Так и сделаем, и вдобавок ко всему будет хороший подарок для твоих домочадцев.

– Ах, маленький барон, ты жестокий господин, – прошептал мужчина. – Да если бы твоя прихоть овладела тобой, ты бы велел мне прыгнуть в колодец великанов, чтобы просто посмотреть, есть ли там дно. Святой Николай, спаси меня!

– Нет, Иван, – сказал я ласково, – я не знаю такого слова, как жестокость, хотя признаю, что иногда могу показаться грубым, но ты был рожден, чтобы служить, а я – чтобы повелевать. Провидение сделало тебя бедным, а меня – богатым. Поэтому мы с тобой нужны друг другу. Исполни свой долг, и ты найдешь меня справедливым и внимательным. Ослушайся меня, и ты увидишь, что эта короткая рука сможет протянуться от Урала до самого Петербурга.

Иван побледнел при этой моей завуалированной угрозе, но я счел необходимым повиноваться, потому что я так же, как Балджер, почуял предательство и неповиновение этого грубияна, чьей единственной хорошей чертой была его любовь к собственным лошадям. И всегда моим правилом было широко открывать глаза на добро, которое есть в человеке, и закрывать их на его недостатки. Но, несмотря на мои ласковые слова и доброе обращение, как только мы миновали рубеж в сто миль, Иван с каждым днём становился все угрюмее и угрюмее.

Балджер наблюдал за ним таким пристальным и задумчивым взглядом, что тот даже вздрагивал. С каждым часом он становился все более беспокойным, и однажды, выйдя из придорожной таверны, я в первый раз с тех пор, как мы оставили его родное село, заметил, что парень выпил слишком много кваса. Он выругался и поднял руку на своих лошадей, с которыми до этого момента обычно был очень ласков.

– Берегись этого человека, маленький барон – прошептал трактирщик – Он в безрассудном настроении. Боюсь, он бы не остановился, даже если бы перед ним зиял колодец великанов. Да хранит тебя Святой Николай!

Глава III

С Иваном становится все больше хлопот. – Балджер внимательно наблюдает за ним. – Его трусливое нападение. – Верный Балджер спешит на помощь. – Извозчик который нужен. – Как меня доставили в безопасное место. – В руках у старицы Юлиании. – Колодец великанов

Когда мы остановились на ночлег, то только пригрозив этому человеку суровым наказанием по возвращении в родное село, я мог заставить его насухо натереть лошадей, накормить и напоить их как следует. Но я проследил за ним до тех пор, пока он полностью не выполнил свою работу, ибо я знал, что в этой стране таких лошадей нельзя купить ни за любовь, ни за деньги, а если они захворают простояв влажными на холодном ночном воздухе, это может вылиться недельную задержку.

Едва я лёг на жёсткий матрас, который трактирщик называл лучшей постелью в доме, как меня разбудил громкий и шумный разговор в соседней комнате. Иван пил и ссорился с местными жителями. Я вошел в комнату, стрелы негодования летели из моих глаз, а верный Балджер следовал за мной по пятам.

Как только Иван увидел нас, он отпрянул, и наполовину всерьез, наполовину в шутку крикнул:

– Эй, посмотри на этого мазунчика!⁶ Как он умно выглядит! Он меня пугает! Посмотрите на его глаза, как они блестят в темноте! Гляньте-ка на этого маленького демона на четырех лапах рядом с ним! Спасите меня, братья! Спасите меня – он бросит меня в колодец великанов! Моя Маришка больше никогда меня не увидит! Никогда! Спасите меня, братья!

– Успокойся, парень – строго сказал я. – Как ты смеешь упражнять свое тупое остроумие на своем господине? Немедленно отправляйся спать, а не то я велю местному констеблю высечь тебя за пьянство.

Иван вскарабкался на печь и растянулся на овчине. Затем, обратившись к трактирщику, я запретил ему под каким бы то ни было предлогом давать моему слуге еще пить водку.

– Ах, Ваше сиятельство! – воскликнул трактирщик с жестом отвращения. – Эти дураки никогда не знают меры. Не имеет значения, что скажет им кабатчик. Они заявляют, что делают нам торговлю. Ах! Они не знают, когда остановиться. У них же глотки глубокие, как колодец великанов!

– Колодец великанов! Колодец великанов! – пробормотал я себе под нос, снова укладываясь на мешок с сеном, служивший тюфяком для тех, кто мог позволить себе заплатить за него. Странно, что эти слова звучат из уст почти каждого местного крестьянина. Но тогда я уже не думал об этом, сон одолел меня, и, как обычно пожелав спокойной ночи старому барону и милостивой баронессе, моей матери, я погрузился в сладостное забытье.

Хорошо, что я обладал способностью засыпать сразу по своему желанию, потому что мой беспокойный мозг постоянно пульсировал от избытка информации. Постоянно постукивая по тонким костяным панелям, которые покрывали его, как заключенный изобретатель стучит в дверь своей камеры и умоляет выпустить его на дневной свет со своими планами и замыслами. Если бы не эта способность – я бы просто сошел с ума.

Как бы то ни было, одной лишь силой мысли я приказал сладкому сну прийти мне на помощь, и так послушен был мой добрый ангел, что все, что мне нужно было сделать, это просто установить время, когда я хотел проснуться, и это было сделано с точностью до минуты.

Что же касается Балджера, то я никогда не делал вид, что устанавливаю для него какие-то правила. У него вошло в привычку засыпать только тогда, когда он был убежден, что никакая

⁶ В тексте «*mazuntchick*».

опасность мне не угрожает, и даже тогда я склонен верить, что он, как встревоженная мать над своим ребенком, никогда не закрывал оба глаза сразу.

Хотя к рассвету мой Иван совершенно протрезвел, он все же взялся запрягать лошадей с такой неохотой, что мне пришлось несколько раз упрекнуть его, прежде чем мы покинули трактирный двор. Он был подобен злобному, но трусливому животному, которое трепещет перед сильным и твердым взглядом, но не упустит возможности броситься на вас, если вы повернетесь к нему спиной.

Я не только обратил внимание Балджера на действия этого человека и предупредил его, чтобы он был очень осторожен, но также принял меры предосторожности и проверил заряд пары испанских пистолетов, которые я носил за поясом.

Едва мы выехали на дорогу, как низкий рык Балджера вывел меня из задумчивости; и за этим рыком последовал такой тревожный вой моего четвероногого брата, что, когда он поднял на меня свои говорящие глаза, я поспешно перевел взгляд с одной стороны дороги на другую. Вероломный Иван намеренно попытался опрокинуть тарантас и избавиться от навязанной ему задачи перевозить нас дальше по дороге.

– Негодяй! – воскликнул я, вскакивая и кладя руку ему на плечо. – Я прекрасно понимаю, что у тебя на уме, но предупреждаю тебя самым серьезным образом: если ты еще раз попытаешься опрокинуть свою повозку, я убью тебя на месте.

Вместо ответа он с молниеносной быстротой нанес мне удар наотмашь своим хлыстом.

Удар пришёлся мне в правый висок и я упал на дно повозки, как кусок свинца.

На мгновение удар лишил меня сознания, но затем я увидел, что трусливый злодей развернулся и взмахнул тяжелым хлыстом, намереваясь сразить меня вторым, более уверенным ударом.

Несчастный глупец! Он напрасно рассчитывал обойтись без своего хозяина, потому что в следующее мгновение Балджер с яростным воплем прыгнул ему на горло, как камень из катапульты, и глубоко вонзил зубы в плоть противника.

Иван взревел от боли и попытался стряхнуть с себя этого неожиданного противника, но тщетно. К этому времени я уже полностью осознал, в какой страшной опасности оказались мы с Балджером, потому что Иван выронил хлыст и потянулся за ножом в ножнах.

Но он так и не вытащил его, потому что я метким выстрелом из моего пистолета попал ему в предплечье. Я не хотел лишать его жизни, а только ранить.

Шок и боль настолько парализовали его, что он упал почти в обмороке, а затем полностью выпал из повозки, волоча за собой Балджера. Лошади встали на дыбы. В ушах моих раздался шум, похожий на рев разъяренных вод, а затем свет жизни совсем погас в моих глазах и я лишился чувств.

Мне показалось, что я лежу на спине на дне повозки, свесив голову набок, но это, конечно, были только минуты. Меня разбудило ощущение покалывания в левой щеке, и когда я медленно пришел в себя, то обнаружил, что это от гравия, летящего из под передних колес повозки, потому что лошади неслись во весь опор, а на козлах сидел мой верный Балджер, держа поводья в зубах. И когда я сел и прижал руку к своей бедной больной голове, вся правда обрушилась на меня:

В тот момент, когда Иван упал на землю, Балджер отпустил его горло и, прежде чем тот успел прийти в себя, вскочил на место кучера и, схватив поводья зубами, туго натянул их и положил таким образом конец поднятию на дыбы и падению испуганных животных. Он пустил их вскачь, оставив разъяренного Ивана размахивать ножом и извергать проклятия на мою и Балджера головы, когда увидел, что его лошади и повозка исчезли вдали. Но тут до моих ушей донесся безумный крик, и я мельком увидел с полдюжины крестьян, которые, обнаружив этот, как им показалось, пустой тарантас, приближавшийся все ближе и ближе, бросили свою работу и помчались его перехватывать.

Судите об их изумлении, дорогие друзья, когда их взоры упали на спокойного и умелого возницу, который крепко держался в седле и часто повторял обратные взмахи головы, призывая своих лошадей нести своего любимого хозяина всё дальше и дальше от коварного возницы.

Когда крестьяне схватили животных и остановили их, я, шатаясь, поднялся на ноги и обнял моего дорогого Балджера. Тот был более чем доволен тем, что сделал, и с жалобным стоном лизнул мой ушибленный лоб.

– Святой Николай, спаси нас! – воскликнул один из крестьян, благочестиво осеняя себя крестным знаменем. – Видит Бог, даже если я проживу достаточно долго, чтобы наполнить колодец великанов камнями, я никогда больше не увижу ничего подобного.

– Колодец великанов, колодец великанов! – пробормотал я себе под нос, следуя за одним из крестьян к его жилищу, стоявшему чуть поодаль от дороги, поскольку весьма нуждался в отдыхе после только что пережитого ужаса. Удар хлыстом потряс мой мозг, и я был достаточно опытен в медицине, чтобы понимать, что такая рана требует немедленного внимания. К счастью, под одной из крестьянских крыш нашлась одна из тех ветхих старух, возможно, она была ведьмой, у которых есть рецепты на все случаи жизни и которые знают каждую траву для любой болезни. Осмотрев порез, оставленный хлыстом, она пробормотала:

– Она не так широка, как овраг, и не так глубока, как колодец великанов, но все же достаточно плоха, мой маленький господин.

«Опять они про колодец великанов, – подумал я, укладываясь на самую лучшую постель, какую только можно было себе представить на тот момент. – Интересно, где он может быть, этот гигантский колодец, и насколько он глубок? И кто пьет воду, которую из него черпают?»

Глава IV

Моя рана заживает. – Юлиания рассказывает о колодце великанов. – Я решаю посетить его. – Подготовка к восхождению в горы. – Что случилось с Юлианией и со мной. – Размышление, а затем действие. – Как я ухитрился продолжить восхождение без проводника

Прошел день или около того, прежде чем я начал уверенно держаться на ногах, и тем временем я делал необычные усилия, чтобы успокоить свой разум, но, несмотря на все мои усилия, каждое упоминание о гигантском колодце вызывало во мне странный трепет, и я вдруг начинал ходить взад и вперед, повторяя снова и снова слова: «Колодец великанов! Колодец великанов!»

Балджер был сильно встревожен и сидел, глядя на меня с самым растерянным видом. Я думаю, он подозревал, что жестокий удар хлыстом повредил моему рассудку, потому что временами он издавал низкий жалобный скулёж. И в тот момент, когда я обратил на него внимание и стал больше походить на самого себя, он начал играть вокруг меня в самом диком восторге. Тем временем я велел крестьянам гнать лошадей Ивана обратно к посёлку Ильича, пока они не встретят этого негодяя и не доставят его сюда, то теперь у меня не было никакой возможности продолжать свой путь на север, если только я не отправлюсь, как многие мои знаменитые предшественники, пешком. Однако у них были более длинные ноги, чем у меня, и они не были нагружены столь тяжелой головой, которая была бы пропорциональна их размеру, а также мозгом, который почти никогда не спал, по крайней мере крепко. Мне слишком не терпелось добраться до врат в мир внутри мира, чтобы потащиться пешком по пыльной дороге. Мне нужны были лошади и еще одна повозка или хотя бы крестьянская телега. Я должен был следовать дальше. Теперь моя голова совсем зажила, и жар спал.

– Послушай, маленький господин, – прошептала Юлиания, так звали старуху, которая заботилась обо мне, – Ты явно не тот, кем кажешься. Я никогда раньше не видела таких, как ты. Если бы ты захотел, я думаю, ты сказал бы мне, как высоко небо, как густы горы и как глубок колодец великанов.

Я улыбнулся, а потом сказал:

– Ты когда-нибудь пила из колодца великанов, Юлиания?

В ответ на это она покачала головой и ухмыльнулась.

– Послушай, маленький господин, – прошептала она, подойдя ко мне вплотную и подняв один из своих длинных костлявых пальцев. – Ты не обманешь меня, ты же знаешь, что у колодца великанов нет дна.

– Нет дна? – повторил я, задыхаясь. Вдруг у меня в голове пронеслись таинственные слова Дона Фума, – «народ подскажет тебе!» – Нет дна, Юлиания?

– Нет, если только твои глаза не лучше моих, маленький господин, – пробормотала она, медленно кивая головой.

– Послушай, Юлиания, – воскликнул я, – где же этот бездонный колодец? Ты проведешь меня к нему; я должен увидеть его. Ну же, давай начнём прямо сейчас. Я хорошо заплачу тебе за твои труды.

– Нет, нет, маленький господин, не так быстро, – ответила она. – Это место находится далеко в горах. Дорога туда крутая и неровная, тропинки узкие и извилистые, один неверный шаг может означать мгновенную смерть, если бы не была сильная рука, чтобы спасти тебя. Откажитесь от своей безумной мысли, когда-либо попасть туда, разве что на крепких плечах какого-нибудь горца.

– Ах, добрая женщина, – был мой ответ, – ты только что сказала, что я не тот, за кого себя выдаю, и ты сказала правду. Знай же, что ты видишь перед собой всемирно известного

путешественника Вильгельма Генриха Себастьяна фон Трампа, обычно называемого «маленьким бароном», который хоть и невысок ростом и слаб телом, но главное, что есть во мне, – это железо. Вот тебе, Юлиана, золото, (я выдал ей царскую монетку), а теперь веди меня к колодцу великанов.

– Тише, тише, маленький барон, – прошептала старая крестьянка, когда ее сморщенная рука ощутила золото. – Я ещё не всё тебе рассказала. Среди всех, кто живёт в округе, нет, как мне кажется, ни одного живого существа, кроме меня, кто знает, где находится колодец великанов. Спроси их, и они скажут: «Это там, в горах, далеко-далеко, под сводом небес». Вот и всё, что они смогут сказать. Но я, мой маленький господин, и только я знаю, где он находится, и та самая трава, которая исцелила твою больную голову и спасла тебя от верной смерти, охладив твою кровь, была сорвана мной с края того самого колодца!

Эти слова вызвали во мне трепет радости, ибо теперь я почувствовал, что нахожусь на верном пути, что слова величайшего мастера среди всех мастеров, Дона Фума, сбылись.

«Люди сами тебе подскажут!»

Да, люди мне подсказали, ибо теперь у меня не осталось ни малейшей тени сомнения в том, что я нашел врата в мир внутри мира! И Юлиания должна будет стать моим гидом в этом походе. Она знала, как пробраться по узкому проходу, свернув в сторону от нависающих скал, одно прикосновение к которым могло бы вызвать камнепад, найти ступени, высеченные природой в скалах, и безопасно продолжить свой путь через расселины и ущелья, вход в которые мог быть невидим для обычных глаз. Однако для того, чтобы суеверные крестьяне сохранили дружеские отношения со мной, я дал им понять, что собираюсь отправиться в горы в поисках диковинок для своего кабинета, и попросил их снабдить меня веревками и снаряжением, а также двумя крепкими мужиками, которые понесут их для меня, пообещав щедрую плату за услуги.

Они поспешили снабдить меня всем необходимым, и на рассвете мы отправились по горной тропе. Юлиания, чтобы не казаться одной из нас, вышла вперед еще при свете луны, сказав своим соседям, что она хочет собрать некоторые травы до того, как солнечные лучи коснутся их и высушат целебную росу, покрывавшую их листья.

Все шло хорошо, пока солнце не поднялось высоко над нашими головами. Вдруг я услышал пронзительный женский крик, то была Юлиания. Примерно через минуту загадка была раскрыта. Старая ведьма стремительно спускалась с горы, ее тонкие седые волосы развевались на ветру. Руки у нее были связаны за спиной, и двое молодых людей с березовыми розгами били ее при каждом удобном случае.

– Поворачивайте назад! Назад, братья! – кричали они двум моим носильщикам. – Этот маленький колдун договорился со старой ведьмой. Они идут к колодцу великанов. Они освободят злых духов. Мы все будем околдованы. Скорее! Скорее! Бросайте груз, который вы несете, и следуйте за нами.

Двое моих носильщиков не стали дожидаться второго предложения и, побросав поклажу на землю, исчезли, как молния. Еще в течение некоторого времени я слышал крики бедной Юлиании, когда эти молодые негодяи били старуху своими березовыми розгами.

Ну, дорогие читатели, и что вы на это скажете? В каком я оказался положении? Один на один с Балджером в этой дикой и мрачной горной местности, где черные скалы нависали над нашими головами, как хмурые великаны и людоеды, с карликовыми соснами вместо волос, с ключьями белого мха вместо глаз, с огромными зияющими трещинами вместо ртов и узловатыми и искривленными корнями вместо ужасных пальцев, словно готовые в любой момент протянуть руку к моему бедному хрупкому телу.

Но разве я сдался? Разве я поспешил вниз по склону горы? Разве храбрость покинула меня? Нет! Иначе я не был бы достоин имени, которое носил. Всё, что я сделал, – это бросился во весь рост на ложе из мха, позвал Балджера и закрыл глаза на внешний мир.

Я слышал, что великие люди порой ложатся спать в полдень, чтобы предаться размышлениям, я и сам частенько проделывал такое. И что же вы думаете? Через четверть часа, наблюдая за солнцем на склоне горы, – я решил проблему. Теперь передо мной стояли две задачи: найти кого-то, кто показал бы мне путь в гору, и, так как я не мог нести снаряжение, мне предстояло найти кого-то, кто мог бы это сделать вместо меня. Внезапно я заметил скот, пасущийся у подножия горы, и, более того, этот скот носил на своих шеях очень своеобразное ярмо.

– А для чего эти хомуты? – спросил я себя, потому что сделаны они были совсем не так, как те, что я когда-либо видел, и состояли из прочного деревянного ошейника, снизу которого между передними лапами зверя выступал прямой кусок дерева, вооруженный железным шипом, направленным в землю. Наверху к рогам животного кожаным ремнем было привязано ярмо. Поэтому до тех пор, пока зверь держал свою голову естественно или даже опускал ее, чтобы пастись, ярмо было вытянуто вперед, и крюк был оторван от земли, но в тот самый момент, когда животное поднимало голову, крючок сразу же опускался в землю, и оно не могло сделать ни шагу вперед. Дорогие читатели, вы можете знать, а можете и не знать, что когда парнокопытное животное начинает подниматься по крутому склону, в отличие от непарнокопытного, оно поднимает голову вверх, а не опускает ее, и поэтому мне сразу пришло в голову, что цель этого ярма – не дать скоту подняться по склону горы и заблудиться.

Но зачем им карабкаться по горным склонам? Просто потому, что там росла какая-нибудь трава, которая была для них деликатесом. И зная, на какой риск пойдут животные и какую усталость они перенесут, чтобы добраться до любимого пастбища, мне сразу пришло в голову, что если бы я дал им возможность добраться до этой своей любимой пищи, они были бы очень рады подвезти меня по дороге. Сказано – сделано. Я тотчас же вернулся назад, к месту где паслись животные; и мне не потребовалось много времени, чтобы освободить их от удерживающих приспособлений. Больше ничего не мешало им подниматься на холм.

Они были очень рады своему внезапному освобождению от ненавистного ярма, которое позволяло им лишь издалека видеть их желанные пастбища. Я снова двинулся в гору, неторопливо следуя за своими новыми друзьями.

Добравшись до того места, где крестьяне побросали снаряжение на землю, я взвалил его на спину самого спокойного животного из всех и вскоре снова отправился в путь

Глава V

Путь наверх через каменоломни демонов. – Как животные шли по следу, и как мы наконец подошли к краю колодца великанов. – Террасы благополучно пройдены. – Начало спуска в сам колодец. – Все трудности преодолены. – Мы подходим к краю воронки Полифема

Как правило, люди с чрезмерно большими головами от природы физически не сильно развиты, но это был не мой случай. У меня были очень крепкие ноги, и я без труда поспевал за своими новыми четвероногими друзьями. Они, к моей радости, совсем скоро убедили меня, что уже бывали здесь раньше. Они ни на мгновение не останавливались ни на одной развилке и все время продолжали двигаться вперед, часто проходя по таким участкам, где не было никакой видимой тропы, но вскоре мы с неизменной точностью снова наталкивались на неё. Лишь однажды они остановились, чтобы утолить жажду в горном ручье, и мы с Балджером последовали их примеру.

Было совершенно понятно, что они следуют к конкретному пастбищу и не хотят довольствоваться никакими другими; поэтому я позволил им идти своим путем, который следовал все выше, выше и выше. Я чувствовал, что мне необходимо следовать за ними.

Вскоре характер горного склона совсем изменился. Ущелья становились всё уже, и временами нависающие скалы почти полностью закрывали нам солнечный свет. Мы вступали в область особой первозданности и фантастического величия.

Я часто читал о том, что путешественники называли «каменоломнями демонов» на Северном Урале, но до сих пор не имел ни малейшего представления, что означает это выражение.

Нарисуйте себе мысленно обычный вид разрухи и опустошения вокруг каменоломни, созданной человеческими руками, затем представьте себе, что каждый обломок представляет собой блок, а каждый блок – массу; увеличьте в четыре раза размер каждой плиты, столба и фронтона, а затем направьте могучий поток через это место, перекачивайте, извивайтесь и поднимайте все в диком беспорядке, нагромождая скалы друг на друга, пока эти дикие воды не приостроют фантастические порталы к храмам, еще более фантастическим, и сводчатые ущелья с каменными крышами, которые, кажется, подвешены так небрежно, что дыхание или звук шагов могут обрушить их с ужасным грохотом. И может быть тогда, дорогие друзья, вам удастся получить слабое представление о величии той сцены, которая предстала передо мной.

Знал ли скот, который теперь так смело вел нас с Балджером вверх по склону горы, где найти вход в эту дикую глушь? И самое важное, знали ли эти животные, как найти обратный выход из этих темных лабиринтов стен и парапетов, с этих улиц и площадей, грубо вымощенных, как будто нетерпеливыми демоническими руками,?

Дорогие друзья, человек всегда был слишком недоверчив к своим четвероногим собратьям. Но у них есть многое, что они могли бы нам рассказать, если бы у них была такая возможность. Я часто доверял им, когда это казалось совершенно безрассудным, и ни разу у меня не было повода раскаяться в этом.

Итак, мы с Балджером со спокойным сердцем последовали прямо за нашими молчаливыми проводниками. Хотя, я должен признаться, мои ноги уже начинали чувствовать ужасное напряжение, которому я их подвергал, но я решил идти вперед, по крайней мере до тех пор, пока мы не пройдем через каменоломню демонов. А затем я планировал остановить мое маленькое стадо, и провести остаток дня и ночи в заслуженном отдыхе.

Но как только я очутился в каменоломне, вся усталость исчезла, и зачарованный глубокой тишиной, ужасным величием, таинственными огнями и тенями этого места, я почувствовал

новый прилив сил. Наконец мы миновали этот город безмолвия и мрака и снова оказались в ярком сиянии полуденного солнца.

Внезапно мое небольшое стадо, игриво вскидывая головы, пустилось в бега, но мы с Балджером припустили за ним по пятам. Это была бешеная гонка, но, дорогие друзья, когда она закончилась, я снял свою меховую шапку и с диким криком радости подбросил ее высоко в воздух, а Балджер разразился громким лаем. Животные паслись прямо передо мной, и с легким ветерком я почувствовал запах трав Юлиании, которыми она лечила мою больную голову. Да, мы стояли почти на самом краю гигантского колодца.

Не смотря на восторг, я чувствовал себя слишком усталым, чтобы сделать еще хоть один шаг вперед, слишком усталым, чтобы даже поест, хотя у меня был при себе запас сушеных фруктов, а также я заметил, что в гнездах диких птиц было много яиц. Освободив животных от снаряжения, я лег на землю и вскоре крепко заснул, а мой верный Балджер свернулся калачиком у моей груди.

Утром моего маленького стада нигде не было видно, но я не беспокоился об этом, так как знал, что старуха Юлиания будет послана за ними, как только их хватятся. После обильного завтрака, состоявшего из полудюжины жареных яиц и сушеных фруктов с ягодами, мы с Балджером подошли к краю гигантского колодца или, скорее, к краю обширных скальных террас, ведущих к нему. Каждая из этих террас была от тридцати до пятидесяти футов в высоту.

Прежде чем я пойду дальше, я должен напомнить вам, что я эксперт и в морском деле, и у моряков нет таких узлов и петель, которые были бы мне неизвестны. Это не должно вас удивлять, дорогие друзья, если принять во внимание тысячи миль, которые я прошёл по воде.

Напоминаю я вам это потому, что я не хочу, чтобы вы не доверяли мне, когда я продолжу описывать наш спуск в колодец великанов, так как вы, конечно же, будете задавать себе вопрос, как мне удалось справиться с этой задачей в одиночку?!

Знайте же, что это была лишь самая малая из моих неприятностей, ибо, как скажет вам любой моряк, вам нужно только воспользоваться так называемым «дурацким узлом», к одному концу которого вы привязываете простую веревку, а как только вы достигнете дна, резкий рывок за веревку развязывает дурацкий узел, и ваша снасть падает вниз вслед за вами. Мой метод состоял в том, чтобы опустить вниз сначала Балджера, а затем спуститься самому вслед за ним. Так мы шли от парашюта к парашюту, пока наконец не оказались на самом краю огромного колодца, на существование которого так таинственно намекал Дон Фум в своей рукописи. Устье его было, вероятно, футов пятьдесят в ширину, и, приглядевшись, я увидел, что с одной стороны есть скальный выступ. Насколько я мог судить, он был примерно в семидесяти пяти футах внизу и чтобы добраться до него потребовался бы каждый фут моей веревки. Я уверен, что вы не обрадуетесь, когда я скажу вам, что прижал Балджера к своей груди и нежно поцеловал его, прежде чем спустить его вниз. Он ответил на мои ласки и своим радостным визгом дал мне понять, что полностью доверяет своему маленькому хозяину.

Через несколько мгновений я присоединился к нему на этом узком скальном выступе, под нами теперь была тьма. Но вы думаете я колебался? Нет! Я знал, что мои глаза скоро привыкнут к полумраку, и еще я знал, что если мои глаза подведут, то зоркий взор Балджера всегда готов будет мне помочь.

Теперь я подготовился с особой осторожностью, потому что на этот раз, действительно, опускал своего четвероногого друга в своего рода неизвестность.

Вскоре он скрылся из виду, и сердце мое замерло. Но, послушайте! Его резвый, громкий лай отчетливо доносится до меня, а это значило, что он приземлился на безопасную площадку или выступ. В следующее мгновение мои ноги обхватили веревку, и я начал бесшумно скользить вниз, в тихие глубины, а радостный лай пса звенел у меня в ушах.

Снова и снова я спускал вниз своего мудрого и бдительного друга вперед себя, пока наконец, подняв голову вверх, я не увидел ничего от могущественного внешнего мира, кроме

яркого серебряного пятнышка, похожего на крошечный лучик света, пробивающийся сквозь крошечное отверстие в занавеске в моей комнате.

Но подождите, неужели мы достигли дна колодца великанов? С каждым новым спуском я понимал, что стены больше не такие отвесные, спуск становился настолько плавным, что мне едва ли уже нужна веревка, чтобы продолжить его. Зажигая одну из своих маленьких свечей, я осторожно пробираюсь вдоль края и через полчаса вновь оказываюсь на месте старта. И тогда впервые выражение, использованное Доном Фумом в рукописи, и до сих пор остававшиеся для меня загадкой, встало перед моими глазами, словно написанное огненным пером на этих черных стенах в тысячах футов под внешним миром, который я покинул несколько часов назад. Это была воронка Полифема! Да, в этом не могло быть никакого сомнения: я достиг дна колодца великанов. Я стоял на краю воронки Полифема!

Спуск в воронку Полифема.

Глава VI

Мое отчаяние, когда я обнаружил, что воронка слишком мала для моего тела. – Луч надежды для меня. – Полный отчет о том, как мне удалось пройти через воронку. – Мой проход через нее. – Своевременная помощь Балджера. – Мраморная дорога и некоторые любопытные вещи, касающиеся входа в мир внутри мира

Каменистые края воронки Полифема были отполированы, по-видимому, так же хорошо, как и у любой другой жестяной воронки, которую я когда-либо видел, висящей на кухне замка Трамп, так что, крепко привязав себя и взяв Балджера на руки, мы двинулись вниз по склону.

До дна пути оставалось около ста футов. И прежде чем продолжать спуск к самой вершине этого гигантского конуса, я зажёл свечу и огляделся.

Дорогие друзья, в этот момент меня охватили дрожь и ужас, потому что взглянув на трубу воронки, я сразу понял, что она слишком мала, чтобы я смог пролезть через нее. В голове у меня промелькнула мучительная мысль, что я совершил ужасную ошибку – что принял за колодец великанов какую-то огромную яму, что в безумной и беспричинной спешке я разрушил жизнь Балджера и свою собственную, что я никогда не достигну чудесного мира внутри мира.

Или, подумал я, может быть, мастер Дон Фум сам допустил ошибку, утверждая, что труба воронки Полифема достаточно велика, чтобы пропустить человеческое тело?

В этом почти безумном состоянии я подошел к самому устью воронки и, опустившись в нее, позволил своему телу погрузиться так далеко, насколько это было возможно.

Плечи мои не проходили, и после тщательного осмотра я был вынужден прийти к мучительному выводу, что мой верный Балджер и я прошли вместе нашу последнюю милю.

Нам ничего не оставалось делать, как лечь и умереть.

Лечь и умереть? Никогда! Спускаясь в колодец великанов, я заметил, что одна из его сторон была очень похожа на стену, выложенную каменными блоками. С Балджером, привязанным к моей спине, я рассчитывал подняться наверх, пока силы не покинут меня. А еще я надеялся, что старуха Юлиания ещё вернется собирать свои травы, и, возможно, мне удастся позвать ее.

В отчаянии я вздохнул и сжал кулаки, и в этот момент одна из моих ладоней коснулась чего-то холодного и скользкого, похожего на жир. Взяв немного этого вещества, я задумчиво потер его между большим и указательным пальцами, и тогда луч надежды прорвался сквозь ужасный мрак, который так безжалостно окутывал меня. Это был графит – сомнений быть не могло. Вероятно, он просочился сквозь трещину или щель в воронке Полифема. Я подумал, что если натереть им внутреннюю часть воронки, а также хорошеньки измазать им себя, то, может быть, мне все-таки удастся проскользнуть в мир внутри мира!

Во всяком случае, я твердо решил двигаться внутрь, несмотря ни на что.

Чтобы основательно собраться с мыслями и затем уже шаг за шагом двигаться в том безупречном порядке, который так характерен для всех моих чудесных подвигов, я сел и, обняв милого Балджера, добрых полчаса беседовал сам с собой.

План был готов! И чтобы доказать вам, дорогие друзья, насколько осторожен был Балджер, чтобы не прервать ход моих мыслей, я должен рассказать вам, что даже когда небольшая крыса высунулась из расщелины в скале, пока я сидел в размышлениях, и как я мог видеть при свете моей крошечной восковой свечи, она имела наглость сначала понюхать хвост Балджера, а затем игриво укусить его, даже и тогда мой верный спутник ни на волос не сдвинулся с места.

– Раз разум приказал, теперь пусть руки делают! – воскликнул я, вскакивая и начиная снимать с себя верхнюю одежду. Сделав это, я вскарабкался на край воронки и начал собирать куски графита, которые положил рядом с отверстием трубы. Следующее, что нужно было сде-

лать, – это спустить Балджера через трубу, перед тем, как начну спускаться я сам. С этой целью из своей одежды я сделал некое подобие сумки для пса, и начал спускать его вниз.

Через шестьдесят пять или семьдесят футов он ударился о дно и своим громким лаем дал мне понять, что с ним всё в порядке, и что теперь я могу спуститься сам. Услышав его голос, я несколько раз резко дернул за веревку. Он сразу понял, что я имею в виду, и через мгновение не только сам вылез из импровизированной сумки, но и освободил мою одежду, чтобы я смог вытащить веревку.

Мой следующий шаг состоял в том, чтобы найти способ утяжелить себя на время спуска, так как я был уверен, что никак не смогу проскользнуть через трубу, если только что-то не будет тянуть меня вниз.

Отрезав около десяти футов веревки, я привязал один ее конец к большому, длинному куску скалы весом около ста фунтов. Его я положил рядом с устьем трубы. Теперь предстояло самое трудное – подвести плечи к груди и крепко привязать их в этом положении. Это, как я рассчитывал, уменьшит мое тело в ширину, по крайней мере, на добрых два дюйма.

Эти два дюйма, приобретенные или, скорее, потерянные таким образом, могли бы позволить мне проскользнуть через трубу воронки Полифема и достичь огромного подземного хода, ведущего в мир внутри мира. Накинув петлю на грудь, как раз под ключицами, я подтянул плечи к груди так туго, как только мог, и жестко зафиксировал их; затем, привязав другой конец веревки к краю воронки, я начал оборачиваться ей, как это часто делают домохозяйки с колбасой, чтобы она не лопнула. Закончив с этим, я принялся кататься по черному графиту, пока полностью не вымазался им.

Теперь, прежде чем бросаться в устье воронки, оставалось сделать еще только одно, а именно, привязать к ногам груз. Это была нелегкая задача, так как я был обвит веревкой и руки мои были привязаны к телу, но с помощью скользящих узлов я, наконец, справился и с этой задачей. Я сел, сунул ноги в трубу и глубоко вздохнул, потому что чувствовал себя так, словно на меня надели смирительную рубашку.

Наклонившись, я окликнул Балджера. Он ответил радостным визгом, который придал мне уверенности и новых сил. Теперь наступил главный момент, который должен был закончиться грандиозным успехом или сокрушительной неудачей. Неудача! О, до чего же это страшное слово! И все же как часто человеческие уста произносят его! Быстро опустив свой импровизированный утяжелитель вниз, я соскользнул с края отверстия и, выпрямившись, проскользнул в трубу. Остановился ли я, как пробка, или всё же двигаюсь? Да, двигаюсь, вниз, вниз, осторожно, медленно, бесшумно я скользил через воронку Полифема. Какое мне было дело до того, что из-за этого веса веревка врезалась мне в лодыжки? Я двигался, я приближался все ближе и ближе к Балджеру, чей радостный лай я слышал время от времени, чем ближе я становился к вратам мира внутри мира!

Но горе мне! Я внезапно останавливаюсь, и, несмотря на все мои усилия продолжить спуск, извиваясь и поворачиваясь, тело отказывается опускаться даже хотя бы на дюйм. Я застрял!

– Ах, Балджер, Балджер, – простонал я, – мой верный друг, если бы ты только мог дотянуться до меня. Всего один рывок мог бы спасти твоего верного друга!

Охватываемый диким отчаянием, я постарался расслабиться и успокоить себя на сколько мог в своем положении, и через мгновение или около того я обнаружил причину своей столь внезапной остановки. Я застрял в той части трубы, которая имела что-то наподобие резьбы и мне пришла в голову мысль, что если бы мне только удалось придать вращательное движение своему телу, то я бы с каждым поворотом опускался бы все ниже и ниже к концу трубы.

Я чувствовал, что костяшки моих рук и кончики пальцев были покрыты синяками и рваными ранами от этой тяжелой работы, но какое мне было дело до этой острой боли, которая пронизывала мои руки от кистей к запястьям и от запястий к локтям! Это было все равно, что

медленно вкручивать винт в длинную гайку, только резьба в этом случае была на гайке, а пазы в винте, и этот винт был моим бедным, ушибленным, маленьким телом!

Внезапно, по раскачиванию груза, я понял, что он освободился из трупы. Он безжалостно тянул меня за нежные лодыжки, но я больше уже не мог пошевелиться, силы мои были на исходе. Я был уже на грани обморока, когда услышал громкий лай Балджера, а в следующее мгновение я почувствовал сильный рывок. Я застонал от боли, но этот рывок спас меня! Это Балджер, подпрыгнув и, схватив зубами веревку, вытащил своего маленького хозяина из плена воронки Полифема!

Все мы свалились в одну кучу: Балджер, я и камень, который служил мне утяжелителем. Последствия могли быть очень серьезными для меня, если бы мое падение не пришлось на грудь моей одежды, помещенную прямо под отверстием. И, дорогие друзья, что бы вы не говорили, вы не сможете заставить меня поверить в то, что мой четвероногий брат не положил туда эту одежду сознательно. Вещи ведь не были свалены в кучу как попало, а лежали друг на друге специально, чтобы смягчить мое падение.

Освободившись от веревок, я зажег одну из своих восковых свечей, и поспешил сбросить с себя нижнее белье, покрытое черным графитом. Переодевшись, я внимательно осмотрел пол. Он был выложен из огромных блоков мрамора разных цветов, отполированных почти так же гладко, как будто рука человека сделала это и тогда я понял, что нахожусь на той самой мраморной дороге, ведущей к городам подземного мира, о которой упоминал Дон Фум в своей рукописи. Я вспомнил также, что он говорил о великолепных природных мозаиках, огромных фантастических фигурах на стенах этих высоких коридоров, составленных из разноцветных блоков и фрагментов, которые тысячи лет назад были уложены один на другой как будто по какому-то замыслу, а не просто дикой прихотью природных сил. После нескольких часов отдыха, в течение которых я пытался подлечить свои разбитые руки и ушибленные пальцы, мы с Балджером снова поднялись и отправились в путь по этой широкой, великолепной мраморной дороге. Сложно передать, но нас окружала не чернильная тьма обычной пещеры, через которую нас вела извилистая дорога, о нет, это было далеко не так. Мрак был смягчен слабым сиянием, которое постоянно сопровождало нас по пути, словно заблудившийся луч сумерек. Как бы то ни было, Балджер, как я заметил, прекрасно видит; поэтому, привязав кусок веревки к его ошейнику, я послал его вперед, убежденный, что более надежного проводника мне сейчас не найти.

Время от времени наш путь на мгновение освещался вырывающимися наружу маленькими язычками пламени то с боков, то с крыши галереи пещеры. Какое-то время я был озадачен, не зная, откуда они исходят, но наконец увидел источник или, скорее, создателя этого явления. Вспышки исходили от похожего на ящерицу животного, которое обладало способностью испускать эту внезапную и чрезвычайно яркую вспышку фосфоресцирующего света, и при этом раздавался резкий треск, похожий на звук от электрической искры. Балджер был в восторге от этого зрелища; и, видимо, не в силах совладать со своим чувством восхищения, он громко залаял, после чего около десяти тысяч этих маленьких факиров в одно мгновение наполнили обширное пространство пещеры вспышками света почти молниеносной силы.

Пёс был так напуган таким результатом своего поведения, что после этого постарался больше не шуметь.

Глава VII

Наша первая ночь в подземном мире, и как за ней последовал первый рассвет. – Предупреждение Балджера и что оно означало. – Мы встречаемся с обитателем мира внутри мира. – Его имя и призвание. – Таинственное возвращение ночи. – Земля постелей, и как наш новый друг предоставил нам одну из них

Наконец мои веки так отяжелели, что я понял, что во внешнем мире наступила ночь, и мы остановились. Я растянулся во весь рост на этом мраморном полу, который, между прочим, был приятно теплым на ощупь; и воздух тоже странно успокаивал легкие, так как в нем совершенно отсутствовали запахи земли и сырости, столь распространенные, как правило, в подземных пещерах.

Мой сон был долгим и глубоким. Когда я проснулся, Балджер уже не спал. Я сел и попытался осмотреться.

Он начал дергать за веревку, которую я привязал к его ошейнику так, как будто хотел куда-то меня отвести. Я не стал сопротивляться и последовал за ним. К моей радости, он привел меня прямо к водоёму с восхитительно сладкой и прохладной водой. Мы напились и после весьма скромного завтрака из сушеных фруктов снова отправились в путь по мраморной дороге. Внезапно, к моей большой радости, слабый свет этого места начал постепенно усиливаться. Казалось, что вот-вот наступит день, как в верхнем мире, так тонки и различны были оттенки, в которые облекался всё усиливающийся свет; затем, словно испугавшись своей собственной всевозрастающей славы, он снова исчезал, превращаясь почти в мрак. Не пройдет и нескольких мгновений, как это слабое и таинственное сияние вернётся, начавшись с мягких желтых оттенков, затем сменится дюжиной различных цветов, подобно непостоянной деве, не знающей, что надеть. Мы с Балджером бродили по мраморной дороге, боясь нарушить тишину, настолько глубокую, что мне казалось, будто я слышу голоса этих веселых лучей света, играющих на разноцветных камнях, образующих этот величественный коридор через который мы держали путь.

После очередного поворота мраморной дороги, на нас обрушился ослепительный поток света.

Это был восход солнца в мире внутри мира.

Откуда взялся этот поток ослепительного света, который заставил стены и сводчатую крышу искриться и сверкать, как будто мы внезапно оказались в одном из огромных хранилищ природы, где хранятся миллионы драгоценных камней? Прикрыв глаза рукой, я огляделся вокруг, чтобы попытаться разгадать эту тайну.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять откуда всё это. Дорогие друзья, потолки, купола и сводчатые крыши этого подземного мира были покрыты металлическими пластинами, швы между ними тянулись повсюду, как жилы гигантских листьев. В определённые часы потоки электричества из какого-то огромного внутреннего резервуара начинали струиться сквозь эти металлические узоры до тех пор, пока они не начинали светиться так сильно, что испускали потоки ослепительного света, о котором я уже говорил.

Это не было внезапным порывом или всплеском, а начиналось всегда мягко и робко, как будто сначала свет нащупывая свой путь. Отсюда и прекрасные смены оттенков, которые всегда предшествовали восходу солнца в этом нижнем мире. Все это и делало его так похожим на солнечный свет нашего внешнего мира.

Дальше была развилка и дорога разделилась на две части, уходящие вправо и влево, они окружали небольшой, но изысканно украшенный парк, или, если можно так выразиться, развлекательную площадку, оборудованную лавочками из какого-то тёмного дерева, которые были прекрасно отполированы и украшены резьбой. В парке было четыре фонтана, воды кото-

рых били из хрустальных чаш и разливались перистыми брызгами, похожими на искрящийся в ослепительно белом свете снег. Когда мы с Балджером направились к одной из скамеек, намереваясь немного отдохнуть, он тихим рычанием предупредил меня, чтобы я был настороже. Я присмотрелся, на скамейке сидел человек. Вне себя от любопытства столкнулся лицом к лицу с первым встретившимся на нашем пути обитателем подземного мира, я все же остановился, решив удостовериться, прежде чем подойти к нему, что он совершенно безобиден.

Он был небольшого роста и одет в черную, свободно развевающуюся одежду, очень похожую на римскую тогу. Голова его была непокрыта, и то, что я смог разглядеть, было круглым, гладким и розовым, с таким же количеством волос или, скорее, пушком, как у шестинедельного младенца. Лицо его было скрыто черным веером, который он держал в правой руке. О том, как им здесь пользовались, вы узнаете чуть позже. Его глаза были защищены от яркого света очками из цветного стекла. Когда он поднял руку и она оказалась между мной и светом, у меня перехватило дыхание. Я видел его насквозь: кости его были прозрачны, как янтарь, голова его тоже была лишь немного менее непрозрачной. Внезапно мне вспомнились два слова из рукописи Дона Фума, и я радостно воскликнул:

– Балджер, мы в стране прозрачного народа!

При звуке моего голоса маленький человек встал и низко поклонился, опустив веер на грудь. Его детское личико было одновременно печальным и торжественным.

– Да, господин незнакомец – сказал он низким мелодичным голосом, – ты действительно находишься в стране Миккаменков⁷, в стране прозрачного народа, называемой также страной изумленных глаз; но если бы ты заглянул в мое сердце, то ты бы увидел, как мне глубоко больно думать, что я оказался первым, кто приветствовал тебя здесь, ибо знай, почтенный чужестранец, что ты говоришь с Мастером Холодной души, придворным угнетателем, самым печальным человеком во всей нашей стране. И, кстати, господин, позволь мне предложить тебе пару очков для тебя самого, а также для твоего четвероногого спутника, потому что наш интенсивный белый свет ослепит вас обоих уже через несколько дней.

Я горячо поблагодарил Мастера Холодной души за очки и сразу надел одну пару себе, а другую на моего друга Балджера. Затем я самым учтивым образом сообщил Мастеру, кто я такой, и попросил его объяснить причину его великой печали.

– Ты должен знать, маленький барон, – сказал он после того, как я сел рядом с ним на скамью, – что мы, любящие подданные королевы Галаксы, королевское сердце которой почти истощилось, – прости мне эти слезы, живя в этом прекрасном мире, так непохожем на тот в котором живешь ты. Он, как говорят наши мудрецы, построен, как это ни странно, на самой внешней стороне земной коры, где она наиболее подвержена воздействию потока ослепляющего снега, ледяному ветру, граду, проливным дождям и удушающей пыли, – жить так, как мы живем, говорю я, в этом огромном храме, построенном собственными руками природы, где неизвестны болезни, и где наши сердца, аналогично однажды заведенным часам, постепенно замедляют свой ход. Мы склонны, увы, быть слишком счастливыми; слишком много смеяться; проводить слишком много времени в праздном веселье, болтая всё время напролёт, словно бездумные дети, увлечённые безделушками и восхищённые мишурой. Знай же, маленький барон, что мое дело – сдерживать это веселье, положить конец этому детскому ликованию, подавлять дух нашего народа, чтобы веселье не захватило его полностью. Отсюда моя одежда чернильного цвета, мое печальное лицо, мои слезы и мой голос, всегда настроенный на печаль. Простите меня, маленький барон, мой веер тогда соскользнул; неужели вы видели меня насквозь? Я не хотел бы, чтобы вы видели моё сердце сегодня, потому так или иначе я не могу заставить его биться медленней; оно ужасно неуправляемо.

Я заверил его, что еще не видел его насквозь.

⁷ Букв. "(Mica Men)" – "слюдяных людей"

А теперь, дорогие друзья, я должен объяснить вам, что по законам страны Миккаменков каждый мужчина, женщина и ребенок должны иметь на своей одежде отверстие на груди прямо над сердцем, и соответствующее отверстие на спине, так чтобы при определенных условиях, когда это позволяет закон, можно было взглянуть на сердце любого жителя этой страны и точно увидеть, как оно бьется – быстро или медленно, скачет или пульсирует спокойно и естественно. Но эта привилегия предоставляется, как я уже сказал, только при определённых условиях, поэтому для того, чтобы не привлекать любопытных взглядов, каждому миккаменку разрешается носить черный веер, которым он закрывает вышеописанное отверстие и таким образом в некоторой степени скрывает свои чувства. Я говорю "в некоторой степени", потому что могу сказать вам точно, что ложь неведома или, правильнее сказать, невозможна в стране прозрачного народа по той причине, что их глаза так удивительно ясны, прозрачны и кристальны, что малейшая попытка соврать, волнует и затуманивает их, как будто капля молока упала в стакан с чистой водой.

Глядя на это странное маленькое существо, сидевшее на скамейке рядом со мной, я вспомнил разговор, который вел с одним русским ученым в Сольвычегодске. Он сказал о своем народе: «Все мы рождаемся со светлыми волосами, блестящими глазами и бледными лицами, ибо мы выросли под снегом». И я подумал про себя, с каким восторгом он смотрел бы сейчас на это странное существо, рожденное не под снегом, а далеко под поверхностью земли, где в этих огромных залах этого мира внутри мира этот странный народ, подобно растениям, выросшим в темном, глубоком подвале, постепенно расстался со всеми своими цветами, пока их глаза не засверкали подобно хрусталу, пока их кости не обесцветились до янтарной чистоты, и их бесцветная кровь не стала течь по бесцветным венам. Пока я сидел в раздумьях, чистый белый свет вдруг начал мерцать и исполнять фантастические трюки на стенах, танцуя в постоянно меняющихся оттенках, то ярко-желтых, то бледно-зеленых, то великолепно пурпурных, то тёмно-малиновых.

– Ах, маленький барон! – воскликнул Мастер Холодной души. – Это был необыкновенно короткий день. Встань, пожалуйста.

Я поспешил повиноваться. И тут он коснулся какого-то механизма, и скамья, раскрывшись в центре, превратилась в две очень удобные кровати.

– Через несколько минут наступит ночь, – продолжал он, – но, как видишь, что мы не были застигнуты ею врасплох. Я должен объяснить тебе, маленький барон, что из-за капризной манеры, с которой наша река света склонна как начинать, так и прекращать свое течение, мы никогда не можем сказать, как долго продлится день или ночь. Сейчас это то, что мы называем сумерками. В твоём мире, я полагаю, день никогда не заканчивается в тишине, ибо наши мудрецы говорят нам, что в верхнем мире ничего нельзя сделать без шума; что твой народ действительно любит шум; и что человек, производящий наибольший шум, считается у вас величайшим человеком.

Из-за того, маленький барон, что в нашей стране прозрачного народа никто не может сказать, как долго продлится этот день или как долго нам придётся спать, наши законы не позволяют никому устанавливать точное время, когда будет сделано то или иное дело, или давать обещание сделать что-либо в определённый день, потому что, благослови тебя Господь, этот день может не продлиться и десяти минут. Поэтому мы всегда говорим: «Если завтра продлится больше пяти часов, приходите ко мне в начале шестого часа»; и мы никогда не желаем друг другу просто спокойной ночи, а всегда говорим: «Спокойной ночи, пока она длится». Более того, маленький барон, поскольку ночь часто застаёт нас врасплох, по закону все кровати в этой стране принадлежат государству, никому не позволено иметь свою собственную кровать, потому что, когда наступает ночь, ты можешь быть на другом конце города, а какой-нибудь другой подданный королевы Галаксы может оказаться перед твоей дверью, и независимо от того, где ночь настигнет нас, каждый в нашем мире обязательно найдет себе постель. Здесь

повсюду стоят кровати. С помощью специальных механизмов, они выдвигаются, как ящики, из стен, могут находиться под столами и диванами, в парках, на базарной площади, у обочин дорог; скамейки, урны, ящики и бочки могут в одно мгновение превратиться в кровати. Это – страна постелей, маленький барон. Но ах! Вот, сумерки и подходят к концу. Спокойной ночи, пока она длится! – И с этими словами Мастер Холодной души лёг и захрапел, предварительно тщательно прикрывшись, чтобы у меня не было возможности взглянуть на его сердце, если вдруг я проснусь первым. Балджер и я были также рады улечься на настоящую кровать, хотя по тому, как мой четвероногий братец ходил вокруг да около, я видел, что он был не особенно восхищён её мягкостью.

Глава VIII

Доброе утро, пока оно длится. – Откровенный разговор с Мастером Холодной души. – Чудеса страны прозрачного народа. – Мы въезжаем в город Миккаменков. – Краткое его описание. – Наш подход к королевскому дворцу. – Королева Галакса и ее хрустальный трон. – Слезы Мастера Холодной души

Я не думаю, что наша ночь продлилась больше трёх часов, может быть чуть подольше, но Мастеру Холодной души пришлось легонько встряхнуть меня, прежде чем он смог разбудить меня.

– А теперь, маленький барон, – сказал он, пожелав мне доброго утра с обычным «пока оно длится», – если ты не против, я провожу тебя ко двору нашей милостивой госпожи, королевы Галаксы. Наши мудрецы часто беседовали с ней о Высшем мире и ужасных страданиях его обитателей, которые сначала замерзают от безжалостного холода, а затем обжигаются палящими лучами того, что они называют своим солнцем. Она, без сомнения, будет счастлива тебя увидеть, хотя я должен предупредить тебя, что ты по наши меркам весьма некрасив, что ты кажешься мне таким чёрным и жёстким созданием, что тебя едва ли можно назвать человеком, а скорее живым куском земли или камня. Я очень боюсь, что наш народ будет чувствовать свое превосходство по сравнению с тобой. Вот четвероногого твоего спутника мы хорошо знаем в лицо, так как часто видели его образ высеченный из камня в тёмных покоях нашего мира.

– Мастер Холодной души, – сказал я на ходу, – когда ты узнаешь меня получше, ты изменишь свое мнение, и хотя я не смогу показать тебе своего сердца, я надеюсь, что смогу доказать тебе и твоему народу, что оно у меня есть.

– Конечно, конечно, маленький барон, – воскликнул Мастер Холодной души, – не обижайтесь. Мне не менее неприятно говорить тебе эти вещи, чем тебе их слышать, но мне за это платят, и я должен отрабатывать свое жалованье. Тщеславие быстро растет в нашем мире, и я пресекаю его всякий раз, когда вижу.

К своему великому удивлению, я обнаружил, что в мире Миккаменков есть такие же озера и реки, как и у нас, только они, конечно, были поменьше, но намного чище. На мой вопрос водится ли в них рыба, Мастер Холодная душа сообщил мне, что они буквально кишат как самой вкусной рыбой, так и всякими моллюсками.

– Но не думай, маленький Барон, – добавил он, – что у нас, кроме этого, нет другой пищи. В наших садах также растет множество разных видов овощей. Но мы не много едим, маленький барон, и редко находим нужным добывать пищу из водоемов.

– А скажите мне, Мастер, – сказал я, – где вы берете шёлк, чтобы соткать такую мягкую и прекрасную ткань, из которой сшито ваше одеяние?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.